

2. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А.Климов. – 4-е изд.; стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010 – 304 с.

3. Кон, И.С. Психология ранней юности. Книга для учителя / И.С. Кон – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.

4. Гришанова, З.К. вопросу о психологическом здоровье личности / З.К. Гришанова, Е.В.Левченко // Школьный психолог. – 2001. – 11 сент. – С.6–11.

Бородич В.М.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат философских наук*

hf@vsu.by

УДК 130.2:141.2

ВОКРУГ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ДИАЛОГА

Статья посвящена проблеме реконструкции диалога М.М. Бахтина в историко-философском пространстве. В роли других участников представлены выдающиеся русские мыслители А.Ф. Лосев и М.К. Петров. В ходе обсуждения рассматриваются некоторые аспекты «точки сборки» и возможная направленность такого диалога.

Ключевые слова: диалог, диалектика, слово, филология, философия, карнавал, личность.

AROUND THE FAILED DIALOGUE

The article is devoted to the problem of the reconstruction of M. Bakhtin's dialogue in the historical and philosophical space. In the role of other participants are outstanding Russian thinkers A.F. Losev and M.K. Petrov. During the discussion, some aspects of the «assembly point» and the possible orientation of such a dialogue are considered.

Key words: dialogue, dialectics, word, philology, philosophy, carnival, personality.

Введение. М.М. Бахтин при жизни, по разным причинам, оказался лишённым возможности совершения плодотворного диалогического дискурса со многими достойными современниками. Понятно, что в условиях изменившейся парадигмы развития на постсоветском пространстве различными авторами не раз предпринимались попытки восстановить справедливость в отношении одного из ярчайших представителей философии диалогизма. Целью данной статьи является выявление некоторых аспектов подобного сотворчества.

Материал и методы. Предметом исследования являются конкретные реалии и перспективы со-мышления Бахтину выдающегося представителя, казалось бы, принципиально альтернативной проекту диалога диалектики А.Ф. Лосева. Порой их противопоставление достигает гротескной формы, достойной уже карнавала. Помимо Лосева в контекст исследования вводится фигура другого замечательного советского мыслителя, также работавшего во многом на стыке философии и филологии, М.К. Петрова. Основным методом в работе над указанным материалом можно считать сравнительный анализ и, как-то, усечённый собственно диалог.

Результаты и их обсуждение. Бахтину и Лосеву, двум выдающимся мыслителям советской эпохи, так и не довелось непосредственно вступить в развёрнутый диалог. Хотя оснований для этого было предостаточно. При всех имевших место различиях (в методах, подходах, направленности и т.п.), что собственно и предполагается в диалоге, уместность последнего определялась не только предметным единством их интересов, но и несомненной солидарностью в основных

мировоззренческих установках, а также соответствием «весовых категорий». Увы! Отдельные полемические реплики (хотя бы со стороны Алексея Фёдоровича в «Эстетике Возрождения») или даже косвенные упоминания о «другом» (тем же Лосевым в романе «Женщина-мыслитель») – ничтожная капля в так и не состоявшемся словесно-интеллектуальном акте-общении.

И компенсировать постфактум это упущение периодически случающимися реконструкциями не совершившегося события в театре нашего бытия можно лишь с большой долей оговорки. Сами по себе такие реконструкции интересны и значимы, однако их не следует и переоценивать. Вместе с тем, на фоне подобных паллиативов происходят и мероприятия совершенно иного рода. В угоду собственным амбициям и идеологическим фикциям рыцарей философии сталкивают искатели отнюдь не истины. Достаточно упомянуть изрядно затянувшуюся «тяжбу» с Бахтиным, спровоцированную С.Е. Кургиняном. Процесс, в который главному истцу удалось вовлечь и куда менее ухищрённых полемистов. Суть обвинения состоит не много ни мало в уличении Бахтина в разработке модели (Карнавал, Рабле), направленной на разрушение едва ли не цивилизационных кодов. Ну, а главной жертвой «злого умысла» пал Советский Союз. Или Империя «Красных смыслов» (в терминологии самого С. К. или его сподвижника в проекте «Назад в СССР» А.А. Проханова). Абсурдность всего спектакля, разыгрывающегося в СМИ уже добрых десять лет, для адекватного (!) корреспондента можно было бы считать очевидной. Притом, что инициатора легко уличить как в некомпетентности (при всей его эрудиции), так и в примитивных передёргиваниях. Впрочем, запретить штатному идеологу-режиссёру и актёру удовлетворять свой конспирологический порыв, демонстрируя очередной продукт, никак нельзя. А вот на использование им в своём опусе в качестве эксперта (кувалды?!) того же Лосева ответить не мешало бы. Одно дело – обращаться к слову поэта или философа в идеологических разборках (надо же на чём-то паразитировать!?) и несколько иное – сталкивать лбами, пусть и заочно, между собой уже самих мыслителей, путая божий дар с яичницей.

Однако от развёрнутого прямого ответа позволим себе воздержаться, ибо жанр полемики несколько отличен от диалога. А вспомнился сей казусный эпизод скорее для некоторого остранения заявленной темы. Кстати, обстоятельная реконструкция диалога наших героев могла бы помочь именно адекватным читателям в обхождении болотных огоньков и шатких досок в пространстве идеологий и технологий разномастных «смыслов».

Для того чтобы реконструировать диалог Бахтин-Лосев более обстоятельно, неплохо было бы ещё раз вычленив основные «вешки» на самой площадке, наметить «точки сборки» и «ключи». Поскольку площадка эта выглядит своей для классика собственно диалогизма, в целях компенсации (формальное равенство – безусловная норма диалога) напрашивается установление некоторого паритета между такими альтернативными методами, как Диалог и Диалектика. С учётом того, что Лосев – прежде всего диалектик, возводящий свою методику до высот Абсолютной Мифологии (аналогично гегелевскому движению от эмпирического через абстрактно-спекулятивное к конкретно-спекулятивному). В принципе не так и сложно отыскать в монологизме Диалектики имплицитный диалог, а в собственно а-методичном, как и союзная ему герменевтика, Диалоге разглядеть моменты диалектической строгости. Чары апологетов их радикальной несовместности представляются несколько надуманными. Об этом говорилось не раз. При желании можно внимательно пройти по публикациям ряда заинтересованных и авторитетных авторов (С.С. Аверинцев, В.В. Библихин, С.С. Хоружий, Н.К. Бонецкая,

В.С. Библер и т.д.). Где нетрудно обнаружить не просто наличие условия возможности диалога между М.Б. и А.Л., но и действительные моменты уже самой «точки сборки». Достаточно глубоко проработана эта тема в работах Л.А. Гоготишвили, равно и искренне занимающейся исследованием творчества обоих.

Уже в диалогической концепции М. Бубера, от которого во многом и отталкивался ещё совсем молодой неокантианец Бахтин, в качестве необходимой «ипостаси» диалога наряду с Я и Ты наличествует Вечное Ты. Чего как раз и нет в слове «Я-Оно». Всё это существенно переориентирует ситуацию общения, вырывая из контекста взаимодействия «субъект-объект», но и не редуцируя к панлогизму в духе Гераклита («Слушая не меня, но сам глагол, справедливо согласиться, что мудрое, – знать всё единым») [1. с 166] или Гегеля. Важно помнить, что Лосев, пусть в чём-то и неоплатоник, но, прежде всего, христианин. Как и Бахтин. И отнюдь не формальный. Личность – вот то главное, что объединяет Бахтина и Лосева. И личность во все не в зачастую суетном её понимании социологами, психологами и т.д.

Здесь Метафизика, в самых изысканных и непрофанированных своих ликах, уступает место именно Диалогу. Что, кстати, присутствует и в герменевтически-онтологических «штудиях» Мартина Хайдеггера.

По Лосеву: либо вы признаёте Личность как таковую, актуализируемую здесь и теперь в каждом человеке, либо начинаете размазывать её по всем столбам и притолокам. А в самом человеке сводите к функциям (то ли индивидуального организма, то ли социума) и «совокупностям отношений», пусть даже критикуемых с позиций преодоления тотального отчуждения и фетишизации. Есть пункт, в котором встречаются и Метафизика с Диалектикой, и наш Диалог. И этот пункт является ключом (или «точкой сборки» – в зависимости от того, как повернуть) и у Лосева, и у Бахтина. Ну, а «извивы» и нюансы их обращения будут уже по-настоящему самобытными (именно в силу причастности Личности в Самом Самом) и неповторимыми. Возьмём хотя бы такой нерядовой фрагмент из оговорки христианства у М. Б., как несогласие с заповедью о любви к ближнему, как самому себе, поскольку действительна лишь любовь к другому. В православной традиции, коей принадлежат оба, имеются разные протоки. Одни тянутся через исихазм и ареопагитику к первому Пришествию, и далее к апокалиптике, другие, вероятно, ко второму. Если разводить Лосева и Бахтина по этому пункту, вспоминается «Легенда о Великом инквизиторе» из «Братьев Карамазовых». Версия второго Пришествия. Далеко не оптимистическая. Ставшая предметом «обсуждения» не только в самом романе Достоевского.

В диалоге Бахтин-Лосев важнейшим элементом сборки (вероятно, именно ключом) является их отношение к слову. Что нашло выражение, в частности, и в понимании отношения уже философии и филологии, а также в самом понимании филологии, как «иной науки». Иной, по сравнению со всем комплексом даже т.н. гуманитарных дисциплин, включая собственно «филологические». Филология не есть одна из филологических наук. Как, очевидно, она не есть (наряду с философией) одна из наук вообще. И дело здесь не в обязательности их отождествления и возведения в ранг «науки наук». Такой сверхнаукой может оставаться та же математика. Понятно, что классическая филология, как она позиционирует себя в XVIII веке, играет по отношению к иным гуманитарным наукам (наукам о духе Дильтея и т.п.) роль этакой Метафизики времён Аристотеля. Но здесь уместно вспомнить об отношении к Метафизике (самого высшего «штиля») М. Хайдеггера. О тех отклонениях мысли от бытия, которые сопровождают её на протяжении

всей истории. О том, что у Мышления (Философии) и у Поэзии (Филологии?) – один исток. Пусть и прорастают они разное.

Ни Бахтин, ни Лосев (философы!) не сводят филологию ни к языкознанию, ни к литературоведению, ни даже к риторике. Да. У Бахтина – Высказывание, а у Лосева Слово (Имя). Понятно, что у Бахтина слово может быть и высказыванием. Но здесь как раз и подчёркивается различие слова и слова.

Слово у Лосева – Символ. Не Знак! Слово собирает Вещь (значение знака) и её Смысл (образец). Так же, как оно может собирать Смысл и Знак-Образ. Собственно, это есть уже в языческом неоплатонизме. Но Лосев-то – не язычник! И сборка у него совершается не под сенью Вещи, а перед лицом (лицом-ликом) Личности. В присутствии Другого. В общении с другим. Пусть даже и опосредованном в том или ином социокультурном коде. Отличие Диалектики Лосева от гегелевской должно касаться и всяких там снятий-синтезов, не вписывающихся в концепцию Диалога.

Интересующимся данным вопросом можно обратиться, в частности, к следующему источнику [2, с. 92–96]

А мы введём в обозначенную здесь конструкцию новое лицо. Выдающийся советский философ М.К. Петров. В отличие от поколения Лосева-Бахтина, он не прошёл пертурбаций революции, лагерных кошмаров тридцатых... Просто был слишком молод. Воевал (в разведке). Кораблестроительный институт. Иностранные языки на кафедрах военных учреждений. Философия. Греки. Ростовский университет. Письмо Хрущёву. Исключение из партии. Увольнение из университета. Греки. Философия науки. Культуры. Замалчивания и обструкции (даже со стороны отнюдь не «попов марксистской идеологии»). Смерть. В 1987 году в возрасте 64-х лет.

Посмертные, если не слава, то, по крайней мере, известность и признание. Наличествует даже его школа при РГУ. Проводятся чтения. А чего-то всё одно не достаёт. Не хватает полномасштабной включённости в общефилософский дискурс, подобно Бахтину и Лосеву. Маловато и попыток реконструкции диалога Петрова с его коллегами по «цеху».

Название монографии С.С. Неретиной «Философские одиночества» [3], куда включён и очерк, посвящённый Петрову, относится к последнему, пожалуй, больше, чем к кому бы то ни было из остальных, выведенных в этой книге. Что касается опыта реконструкции диалога, то можно вспомнить работу Г.Ф. Перетяткина «О категориальном потенциале языка и мышления (М.К. Петров и А.Ф. Лосев)», вошедшую уже в сборник, посвящённый творчеству исключительно Михаила Константиновича, изданный под редакцией той же Неретиной [4]. Но касательно связи Петров–Бахтин мы, похоже, столкнёмся с ещё большими трудностями. А.Ф. Лосев, при всём своём православии, «античник». И обойти его в серьёзном дискурсе вокруг Петрова (такого же античника и самого упрямого европоцентриста среди современных русских) не представляется возможным. С Бахтиным дело обстоит несколько иначе. С одной стороны, предметом индуцирования собственной философии для Бахтина является не столько история, сколько литература. Причём, в отличие от лосевских «эстетик», Михаил Михайлович не отличался погружением в лоно слова греческого (прекрасно владея греческим, наряду с латинским и современными французским и немецким). А если учесть отсутствие уже у Петрова явной христианской ангажированности, то диалог между ними может представиться слишком абстрактным и вымученным.

Но спешить с подобными выводами всё-таки не стоит.

Во-первых, взгляды Петрова на соотношение философии и филологии существенно перекликаются как с Лосевым, так и с Бахтиным. Притом, что ключевым

«термином» у него оказывается Текст (без какого-либо уклонения в постмодернизм). Что касается категориальности, то именно здесь Петров может оказаться ближе скорее к Бахтину, нежели к Лосеву. И это весьма важно уже в случае обстоятельной реконструкции диалога по линии Бахтин–Лосев. Да, «площадка» самого Петрова не столько литература, сколько история. Здесь уже Лосев способен «сближать» Петрова с Бахтиным.

Во-вторых, сместим тему самого диалога в несколько иную плоскость. А именно, в духе В.С. Библера – в сферу «диалога культур». Достаточно обратить внимание на, пожалуй, самую выдающуюся культурологическую гипотезу Петрова. О пиратском пятидесятивёсельнике (пентокортоне), как первой модели, предвосхитившей как явление античного теоретизма с его Логосом, в пику завязанной на мифе Традиции, так и становление самой полисной демократии с её номократией и «политическим существом». Сама жизнь (оперативная обстановка) мотивировала эгейцев в момент их едва ли не окончательного вырождения (утрата письменности!) к переформатированию основного социокода. И существенную роль в столь плодотворной трансмутации их матрицы сыграл именно «диалог». Команда столь замечательного кораблика была весьма разношёрстной (как «этнически», так и «профессионально») да и ротация состава происходила ускоренными темпами. Традиционный код просто напросто не годился. А язык (письменность) «подобрали», перейдя от бывшего слогового письма к алфавитному, включив в обретенный алфавит буквы семитского покроя, перекроив при этом их значения.

Вот так и зачиналось становление будущей великолепной Античности, подхватившей падающее знамя из рук фригийцев и прочих, лишившихся грамоты, потомков минойско-критской цивилизации. Чем не гимн его величеству Диалогу!

И наконец – немножко карнавала. Что за диалог с Бахтиным без оного!?

Дадим слово самому М.К. Петрову: «анализируя, скажем, на примере Одиссея личные навыки гомеровского героя, мы видим, что он *не только царь-воин-земледелец-пират, но и спортсмен-многоборец, кораблестроитель, навигатор, плотник и безусловно же оратор, «софист»* (выделено нами – В. Б.) в греческом понимании этого термина, чем особенно восхищена его покровительница Афина» [5, с. 66–67].

Рушатся профессиональные перегородки, а вместе с ними и скрепы традиционного общества. Чем не карнавал?! Ролевая игра. Царь – Землепашец. Этакое переодевание-превращение. А чтобы подчеркнуть собственно карнавальность происходящего, автор уточняет: «...тот факт, что Одиссей, например, владеет навыками царя, земледельца, пирата, плотника и т.д. вовсе не означает, что он владеет ими для их реализации в действии. При случае, конечно, он может пойти и на это» [5, с. 68].

Кстати, последнее не напоминает ли нам того же Петра Алексеевича? Как, впрочем, и всю эпоху его преобразований, насыщенную карнавальными действиями. Между прочим, так ковался код Российской империи, пока ещё не «Красной», в крушении которой кто-то ретиво пытается уличить Бахтина в купе с Франсуа Рабле. О карнавалах времён становления самой Советской власти, а также о сатурналиях пресловутых тридцатых позволим себе не продолжать. Но яростным обличителям «раблезианства-бахтинианства», рядящимся в истовых имперцев, не мешало бы над этим призадуматься.

Заключение. В философских речениях и конструкциях Бахтина и Лосева достаточно точек фундаментального соприкосновения и взаимопроникновения, чтобы признать диалог между ними не только возможным, но и имплицитно осуществляющимся. Персонализм. Герменевтика (пусть у Лосева и диалектически «препарированная»). Общность Судьбы... Более, чем достаточно.

Включение в контекст такого диалога равноценных им мыслителей, вроде того же М.К. Петрова, позволяет выявить новые интересные интенции в непресекающемся Со-мышлении.

Список использованной литературы:

1. Гераклит Эфесский: всё наследие: на язках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьёв. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.
2. Данилин, С.Ю. А.Ф. Лосев и М.М. Бахтин. Диалектика и диалог / С.Ю. Данилин // СОФИЯ: Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2005.
3. Неретина, С.С. Философские одиночества / С.С. Неретина; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2008. – 269 с.
4. Михаил Константинович Петров // [под ред. С. С. Неретиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 295 с.
5. Петров, М.К. Искусство и наука. Пираты эгейского моря и личность / М.К. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. – 140 с.

Ганкович А.А.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Магистр психологии

anna-violla@rambler.ru

УДК 159.923:37.036.5:378.046.4

ТЕХНОЛОГИИ АРТ-ТЕРАПИИ КАК ФАКТОР РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛУШАТЕЛЕЙ ИПК

Статья посвящена проблеме раскрытию личностного потенциала слушателей ИПК и ПК ВГУ имени П.М. Машерова педагогических специальностей на основе концепции творческой коммуникации.

Ключевые слова: личностный потенциал, развитие, творческая коммуникация, технологии Арт-терапии, экспрессивная психотерапия, искусство.

TECHNOLOGIES OF ART THERAPY AS A FACTOR IN UNLOCKING THE PERSONAL POTENTIAL OF IPK

The article is devoted to the problem of revealing the personal potential of students of the IPC and the PC of the VSU named after PM Masherov of pedagogical specialties on the basis of the concept of creative communication.

Key words: personal potential, development, creative communication, Art-therapy technologies, expressive psychotherapy, art.

Введение. В жизни каждого человека профессиональная деятельность занимает важное место. На современном этапе развития дополнительного образования взрослых нам следует задуматься о том, что развитие потенциально новых возможностей педагогов играет значимую роль в раскрытии личностного потенциала человека, перераспределении его перспектив и новых приоритетов. Раскрытие новых ресурсов требует от нас, создание особых условий, для реализации которых необходимо понять каким образом происходит раскрытие личностного потенциала. Вхождение в новый этап своей профессиональной деятельности, порождает новый веер проблем. Изменившаяся профессиональная ситуация стимулирует образование новых психологических свойств и качеств. Происходит кардинальная перестройка психологической структуры личности, так как изменяется